

А.В.Евглевский, Д.В.Пилипенко

УНИКАЛЬНОЕ СТЕЛОВИДНОЕ ТЮРКСКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ ВАСИЛЬЕВКИ (СЕВЕРНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)

Изваяние обнаружено в 1972 г в окрестностях с.Васильевка Старобешевского р-на Донецкой обл. работавшим там Азовским отрядом Северо-Донецкой экспедиции (Михлин Б.Ю., Швецов М.Л., 1979, с.14). В 1979 г изваяние было перевезено в расположенное рядом с.Раздольное и поставлено на хранение у музея истории села. В 2006 г в связи со сбором материалов по средневековым тюркским изваяниям и мерами по обеспечению сохранности этой категории памятников культурного наследия экспонат (при официальном согласовании с управлением культуры при облгосадминистрации Донецкой обл. и заведующим музеем села Заходенко Надеждой Григорьевной) был перевезен в музей каменных изваяний Донецкого национального университета.

Описание изваяния

Монолит для изготовления изваяния вырублен из гранита серо-оранжевого цвета. Тыльная, боковые и нижняя лицевая части изваяния обильно покрыты светло-зеленым лишайником. Верхняя часть лицевой стороны покрыта им в гораздо меньшей степени, имеет выцветшую поверхность. Складывается впечатление, что верхняя лицевая часть изваяния относительно недавно была очищена от лишайника каким-то моющим средством или, возможно, была покрыта известкой, которую впоследствии смыло атмосферными осадками. Так или иначе, но естественная патина камня в верхней части изваяния оказалась уничтоженной. В самом низу, на левой боковой грани изваяния, наметились длинные трещины, очевидно, вызванные сезонными перепадами температур и общим загрязнением атмосферы (рис.1).

В процессе перевозки изваяния из Васильевки в Раздольное, а затем в Донецк были

произведены замеры по всей его длине: общая длина – 1,87 м, длина верхней (проработанной мастером) части – 1,0 м, длина нижней (необработанной) – 0,87 м; максимальная ширина у основания – 0,55 м, ширина на границе двух частей – 0,4 м, ширина на вершине изваяния – 0,3 м; максимальная толщина проработанной верхней части – 0,37 м, на границе частей – 0,31 м, в нижней части (у основания) – 0,25 м (рис.2, 3). Таким образом, изваяние представляет собой прямоугольную в сечении стелу, расширяющуюся и утончающуюся книзу. Но, будучи вкопанным в землю, оно в своей верхней части выглядит как квадратный в сечении столб.

Очевидно, природно обусловленные метрические характеристики монолита, практически разделенного на две примерно равные части, – квадратную в сечении верхнюю часть и прямоугольную – нижнюю (что особенно хорошо видно в профиль), в определенной степени были использованы мастером. В частности, своеобразная граница на плоскости монолита проходит примерно в том месте, где по антропометрическим признакам должен оканчиваться живот человека (в случае, если бы он был проработан). Практически нет сомнения в том, что мастер таким способом определил уровень вкопа изваяния.

Изваяние женское, исполнено в технике относительно низкого рельефа и, за исключением лицевой стороны, не подверглось какой-либо обработке. Голова изображена на плоскости монолита значительно ниже его вершины. Головной убор выглядит наиболее рельефно, показан в виде легкой шапочки изящной формы с коническим верхом и выразительно выступающим надолбом подтреугольным мысыком. Лицо округлое, с хорошо выделенными очертаниями, со слегка выраженным подбородком, проработано в низком рельефе, хотя, возможно, это является следствием естественной эрозии камня. Брови

**Рис. 1. Изваяние из с.Васильевка.
Fig. 1. A statue from Vasilievka village**

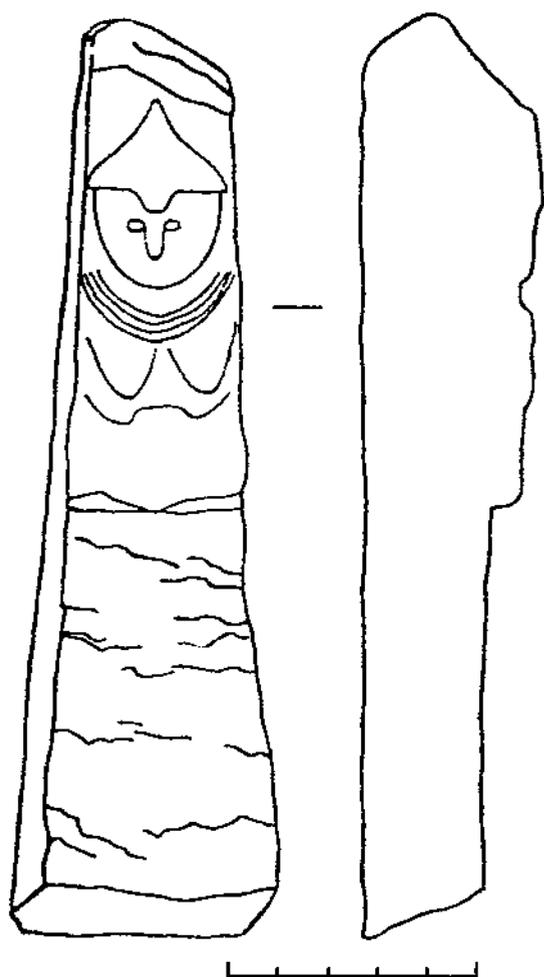

Рис. 2. Изваяние из с.Васильевка (Раздольное, Донецк). Рисунок сотрудников экспедиции Б.Ю.Михлина (1972 г).

Fig. 2. A statue from Vasilievka village (Razdolnoie, Donetsk). Drawing of workers of B. Yu. Mikhlin's expedition (1972)

просматриваются крайне слабо. Овальные глаза и относительно широкий короткий нос образуют единую композицию. Практически не заметное углубление под носом, вероятно, передает миниатюрный рот; уши также едва намечены, но все же лучше просматриваются, чем рот. Грудь выглядит еще менее объемно, чем голова, показана в виде практически плоских треугольников. Отчетливо видны две гладкие шейные гривны; верхняя гривна ощутимо тоньше, чем нижняя.

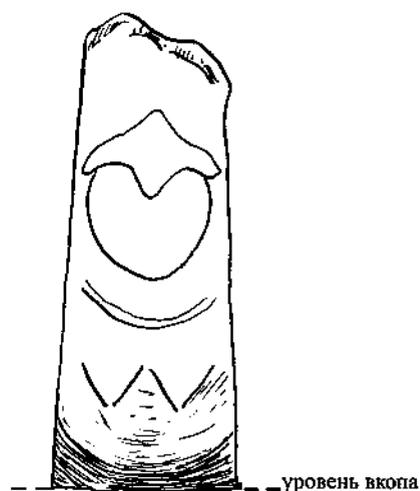

Рис. 3. Изваяние из с.Васильевка (Раздольное, Донецк). Рисунок из архива В.К.Гриба (1979 г).

Fig. 3. A statue from Vasilievka village (Razdolnoie, Donetsk). Drawing from V.K. Grib's archive (1979)

Иконография

Поиск аналогий изваянию как цельному образу не дал результата, причем полной аналогии не удалось обнаружить во всей Евразийской степи. Поэтому его атрибуция была нами проведена по линии отдельных признаков иконографии (учитывая также манеру передачи образа, стеловидность и породу камня), относительно близкие соответствия которым найдены на незначительной группе изваяний, происходящих из отдаленных друг от друга регионов степи и, как выяснилось, не связанных между собой ни единой датировкой, ни убедительными этническими привязками.

Упомянутый выше состав признаков иконографии при отсутствии изображений рук, ног, пояса, деталей одежды, сосуда и других вещей, а также стеловидность или неполная округлость соответствующих изваяний позволили Г.А.Федорову-Давыдову (1966) и С.А.Плетневой (1974) обратить внимание на группу изваяний, которую они атрибутировали как наиболее позднюю в массиве европейской половецкой скульптуры. Этой группе, кроме неверной датировки, было дано и не совсем

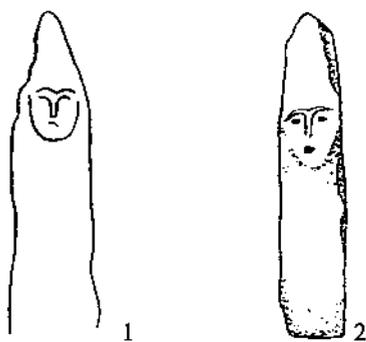

Рис. 4. Изваяния, по абрису и моделировке головы (лица) напоминающие васильевское: 1 – пос. Должанский (Луганская обл., бассейн Северского Донца); 2 – станция Уш-биик (Северо-Восточный Казахстан).

Fig. 4. Statues which resemble the Vasilievka one by their outline and head (face) modelling: 1 – Dolzhanskii settlement (Lugansk province, Severskii Donets reaches); 2 – Ush-biik station (North-Western Kazakhstan)

удачное определение: “изваяния особого сильно упрощенного стиля” или, кратко, “упрощенные” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.168). Другие термины, принятые в литературе относительно такого рода сравнительно поздних изваяний, – “погрудные” и “поясные”, на наш взгляд, также не совсем удачны, поскольку есть экземпляры, на которых проработана только голова. К числу последних относятся, например, изваяния из Ставропольского и Краснодарского историко-краеведческих музеев (Плетнева С.А., 1974, табл.56, 1068; табл.58, 1094). Более удачное (нейтральное) определение этим изваяниям дала Л.С.Гераськова – “частичное изображение человека” (Гераськова Л.С., 1991, с.65, 91). На наш взгляд, наиболее приемлемыми терминами для этих скульптур могут быть “неполнофигурная стеловидная скульптура” и “неполнофигурное стеловидное изваяние”, но и они не отражают всех нюансов многих разновидностей изваяний, которые исследователями включаются в данный, неоправданно объединенный круг памятников.

В типологии, предложенной Г.А.Федоровым-Давыдовым, все “упрощенные” (“погрудные”) изваяния отнесены к типу III (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.168, 185), по С.А.Плетневой, это – типы VI (ранние женские) и VII (поздние

женские) (Плетнева С.А., 1974, с.65, рис.35), а по Л.С.Гераськовой, – массивы Ае и С (Гераськова Л.С., 1991, с.50, 51; рис.7).

Для удобства анализа иконографию образа логично разделить на четыре составляющие: лицо, головной убор, гривны и грудь. Каждый из этих элементов (признаков) выражен в значениях (вариантах его передачи), которые, в свою очередь, образуют отдельные композиции. Именно определенное сочетание этих признаков и их композиционное построение несут, как мы вкратце покажем ниже, основную для исследователя информационную нагрузку.

Абрис. Если попытаться использовать типологию абрисов изваяний, предложенную в качестве своеобразной эволюционной схемы развития (Плетнева С.А., 1974, рис.26), то получается, что васильевское изваяние не вписывается в нее. Ведь голова у изваяния не изображена на вершине монолита, как на всех трех показанных исследовательницей типах абрисов, а посажена гораздо ниже ее – на плоскости камня. Учитывая тенденцию развития изваяний во времени к большей объемности и выдвиганию головы из монолита, а также зная эволюционное развитие азиатского массива скульптуры, васильевское изваяние, на первый взгляд, логично было бы рассматривать как одно из наиболее ранних европейских типов (X-XI вв.). Во всяком случае, оно должно стоять на позиции, предшествующей типам абрисов, предложенным С.А.Плетневой. Но как тогда быть с поздними признаками на изваянии: гривнами и моделировкой груди? Очевидно, здесь мы имеем дело с одним из переходных типов от стеловидной к округлой скульптуре (не путать с объемной скульптурой). Об этом переходе и о более точном месте васильевского изваяния, собственно, и пойдет речь далее.

Выясняя абрис и, шире, типохронологическое место васильевского изваяния, может быть, есть смысл обратиться к стеловидным изваяниям с изображением одного лишь лица на плоскости монолита, над которым возвышается заостренная часть камня, напоминающая высокий головной убор. Это, например, изваяния из пос. Должанский (бассейн Северского Донца) (Гераськова Л.С., 1991, рис.12, 31) (рис.4, 1) и территориально отдаленное изваяние из станции Уш-биик (Северо-Восточный Казахстан) (Чариков А.А., 1987, с.91) (рис.4, 2).

Рис. 5. Изваяния с головным убором, напоминающим убор васильевского изваяния: 1 – пос. Шипилово (Луганская обл.); 2 – Бердянский историко-краеведческий музей; 3 – с.Прелестное (Донецкая обл., среднее течение Северского Донца).

Fig. 5. Statues with a headdress which resembles that of the Vasilievka one: 1 – Shipilovo settlement (Lugansk province); 2 – Berdiansk Muzeum of Local History; 3 – Prelestnoie village (Donetsk province, medium reaches of Sevverskii Donets)

Порода камня как датирующий признак. Кроме указанного выше архаизма в абрисе васильевского изваяния, есть еще один неизобразительный архаизм – использование твердого камня (гранита). Выбор мастером гранита, материала малопригодного для ваияния, в то время как песчаник в Северо-Восточном Приазовье есть повсеместно, свидетельствует о следовании этнокультурной группой (к которой принадлежал мастер) традиции использования именно твердого камня. Из гранита и других твердых пород были изготовлены все ранние (до X в. включительно) изваяния Азии и Европы, причем это касается даже тех районов, где есть выходы на поверхность песчаников и других мягких или относительно мягких пород. Это второй после раннего типа абриса аргумент в пользу того, что место васильевского изваяния необходимо искать среди относительно ранних вариантов стеловидной европейской скульптуры, но с учетом указанных выше поздних признаков. Во всяком случае, принять точку зрения Г.А.Федорова-Давыдова о наиболее поздней датировке европейских погрудных изваяний сер.XIII в. нельзя. Ведь вряд ли логично будет считать, что в период расцвета ваияния объемной скульптуры в 1-й пол.XIII в. мастера вдруг решили в отдельных случаях отказаться от мягких пород (песчаника) и значительно усложнили себе работу, пытаясь высечь образ умершего из гранита.

Головной убор. В своде каменных изваяний С.А.Плетневой мы находим всего четыре изваяния с головными уборами, в разной степени схожими с изображенным на васильевском изваянии (но ни одной точной аналогии). Такой головной убор она, кстати, называет то капюшонообразной шапочкой, то башлыком, то просто шляпой (Плетнева С.А., 1974, с.38, 85). Это женские изваяния из пос.Шипилово (Луганская обл.) (Красильников К.И., 1999, табл.16, 1) (рис.5, 1), Бердянского историко-краеведческого музея (Плетнева С.А., 1974, табл.22, 143) (рис.5, 2), Краснодарского историко-краеведческого музея (Плетнева С.А., 1974, табл.58, 1102) (рис.6, 2), а также мужское изваяние из с.Прелестное (Донецкая обл.) (Плетнева С.А., 1974, табл.31, 276) (рис.5, 3). Что касается головного убора на изваянии из Прелестного, то мы прекрасно понимаем, что сопоставлять головные уборы на женских и мужских изваяниях по всем существующим методикам неверно, но мы и не планируем делать какие-либо этносоциальные или другие выводы, а только лишь констатируем факт, анализ которого, со временем, возможно, даст какие-то плоды.

Рисунок головного убора, сходного с васильевским, приведен в типологической таблице С.А.Плетневой (1974, с.38, рис.14, 12). Правда, сопоставлять данный тип головного убора с конкретными примерами из свода изваяний исследовательницы не так просто, поскольку она

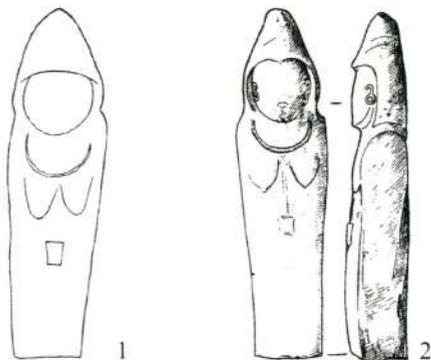

Рис. 6. Изваяние из Краснодарского историко-краеведческого музея: 1 – по: Федоров-Давыдов Г.А., 1966; 2 – по: Плетнева С.А., 1974.

Fig. 6. Statues from Krasnodar Local History Muzeum: 1 – by: Федоров-Давыдов Г.А., 1966; 2 – by: Плетнева С.А., 1974

не внесла в статистическую табл.6 (“распространение различных головных уборов в Половецкой степи”) сноски на изваяния №№ 143, 276, 1102, на которых изображены головные уборы, близкие васильевскому. Нет сносок и в комментариях к рис.14 и табл.6. Зато в табл.6 под типом VI указывается на капюшонообразный головной убор, якобы изображенный на изваянии № 930, хранящемся в Танаисском (Недвиговском) музее Ростовской обл. (Плетнева С.А., 1974, табл.6, с.40). Однако этот экземпляр мы не находим в ее сводном каталоге изваяний. К сожалению, нам пока не представилась возможность познакомиться непосредственно с коллекцией Танаисского музея, поэтому судить о степени схожести головных уборов на васильевском и танаисском изваяниях затруднительно. Следует также добавить, что С.А.Плетнева ошибочно отнесла головной убор, изображенный на изваянии № 143 (Бердянский историко-краеведческий музей) (рис.5, 2), к V типу, хотя он относится к интересующему нас типу VI¹.

¹ С подобными несоответствиями текстовой и иллюстративной информации пришлось столкнуться в книге исследовательницы еще не раз, а потому анализировать головные уборы в контексте типов изваяний при такой запутанной ссылочной системе оказалось довольно проблематично. А между тем, проведение углубленного анализа типов головных уборов на изваяниях исключительно важно и перспективно, учитывая то, какую роль несет в себе этот элемент костюма как этнический источник. Исследователям порой удастся провести линию бытования сходных типов головных уборов в одном этнокультурном пространстве от этнографического времени до глубины веков. Перспективно это сделать и относительно васильевского изваяния, но это вопрос отдельного исследования.

Лицо. Давать характеристику лица васильевского изваяния, учитывая его слабую рельефность, непросто. В то же время в каждом новом аналитическом исследовании тюркских изваяний специалисты все больше и больше внимания уделяют лицу как комплексному (композиционному) набору признаков, дающих в определенных сочетаниях разные этнохронологические значения. Этот набор признаков Л.Н.Ермоленко посчитала настолько важным, что в основу иконографической классификации казахстанских тюркских изваяний она положила прием изображения черт лица, точнее, сочетание того или иного способа воспроизведения глаз с инвариантной манерой изображения прочих деталей лица. Все типы лиц были разделены ею на две большие группы: древнетюркского и кыпчакского облика, где объединительными признаками выступили именно варианты глаз, включающие форму, рельефность, размеры и т.д. (Ермоленко Л.Н., 2004, с.17-22).

Безусловно, такая “глазная” классификация довольно информативна и перспективна, причем не только для изучения иконографии изваяний Казахстана, но и других регионов Евразии. Однако пока приходится констатировать, что на европейском материале эту методику применить значительно сложнее, поскольку, в отличие от казахстанских или, шире, азиатских изваяний, здесь нет такого разнообразия видов глаз, варианты которых спутать невозможно, и отсутствует весьма специфическая (древнетюркская) манера их изображения. Впрочем, этот тезис вполне приложим и к другим деталям лица – бровям, носу и рту.

Относительно лица васильевского изваяния (широкие овальные глаза, составляющие с коротким носом единую композицию, небольшие дуговидные брови и миниатюрный овальный рот) можно сказать, что оно представляет собой довольно распространенный композиционный вариант, свойственный разным типам стеловидных и объемных европейских скульптур.

Следовательно, в решении этнических и типохронологических привязок нашего изваяния лицо не выступает в необходимой степени уточняющим аргументом.

Гривны. Наличие гривен на васильевском изваянии важно, прежде всего, для датировки и социокультурных выводов. Дело в том, что если в монгольское время половецкая аристократия, как считает большинство исследователей, была практически истреблена, а оставшаяся часть, в целом, политически подавлена, то почему тогда на позднейших изваяниях (по Г.А.Федорову-Давыдову и С.А.Плетневой) раннезолотоордынского времени из Нижнего Поволжья шейные гривны (как социальный знак знати) продолжали изображать? Нижнее Поволжье – столичный, центральный регион Золотой Орды, и такое проявление культа предков кочевников-язычников, подвластных монголам, недалеко от городов вряд ли было бы позволено. И это даже несмотря на известную веротерпимость правителей Золотой Орды. С другой стороны, у нас нет доказательств, опровергающих факт изготовления изваяний в ордынское время.

Что касается распределения гладких и витых гривен по типам изваяний, то строгой закономерности здесь не обнаруживается (Плетнева С.А., 1974, с.47). Те и другие распространены во всех группах примерно одинаково, что может быть одним из свидетельств сосуществования разных типов изваяний в определенные периоды времени. Изображенные на поволжских изваяниях гладкие гривны, судя по хорошо датирующимся погребениям, относительно более ранние, чем витые. Но это косвенный аргумент.

Показательно и то, что в Нижнем Поволжье нет поздnekочевнических погребений с гривнами золотоордынского, как, впрочем, и половецкого времени. Наконец, все известные изваяния в Нижнем Поволжье мужские, а это явление характерно для раннего этапа развития восточноевропейской тюркской скульптуры. Можно ли считать, что из Поросья в Поволжье было переселено (как пишет Г.А.Федоров-Давыдов, 1966, с.238) только мужское население? Вряд ли. Да и потом, в Поросье черноклобуцкое население не ставило изваяний, очевидно потому, что его этнические традиции или социополитические причины не давали повода для отправления такого культа.

Грудь. Анализировать этот признак довольно сложно, поскольку закономерность ее изображения на различных типах изваяний еще не изучена. Более того, женская грудь показана и на многих мужских изваяниях. Этот вопрос требует еще не только корреляционного анализа с другими компонентами иконографии стеловидных изваяний, но и объяснения с точки зрения семантики. Отметим лишь, что изображение женской груди как на женских, так и на мужских изваяниях – явление, проявившееся в восточноевропейских степях, очевидно, не ранее середины XI в. (судя по изображению датирующих вещей на изваяниях).

Место изваяния на типохронологической шкале тюркской скульптуры

Уникальность васильевского изваяния, а значит, и особые трудности в его атрибутировании потребовали углубиться в существующие в литературе объяснительные типохронологические модели стеловидных тюркских изваяний. Речь идет об упомянутых концепциях Г.А.Федорова-Давыдова и С.А.Плетневой, неоднократно подвергнутых критике со стороны Л.С.Гераськовой, с отдельными выводами которой мы, в целом, согласны.

Г.А.Федоров-Давыдов, предложивший трехступенчатую типохронологию восточноевропейских изваяний (в отличие от семиступенчатой у С.А.Плетневой), пишет: “упрощенная форма III [стеловидные изваяния – А.Е., Д.П.] типа может быть объяснена тем, что эти статуи были или ранними вариантами типа I [стоящие – А.Е., Д.П.], или поздними упрощенными его вариантами, в которых реалистические черты в передаче объемов были утрачены. Второе предположение подтверждается наблюдением над некоторыми деталями статуй типа III, которые можно понять только как рудименты (например, изображение сосуда, бессмысленное само по себе без изображений рук (рис.28, 2), медальона без ремня)” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.185). Мысль ученого, на первый взгляд, выглядит логичной. Однако критический анализ его доказательной базы, т.е. проверка деталей иконографии изваяний III типа, показала, что эта концепция крайне шапкая, поскольку в ключевых местах построена на использовании ошибочно интерпретирован-

ных или вовсе отсутствующих изображений. Кроме того, Г.А.Федоров-Давыдов неоправданно объединил в один – III – тип все изваяния с неполнофигурными изображениями. В частности, помимо собственно стеловидных изваяний, он включил в этот тип и округлые неполнофигурные изваяния, что является существенной ошибкой.

На краснодарском изваянии (рис.6, 1) показан предмет, действительно похожий на сосуд, при этом нет изображения рук, которые по канонической изобразительной традиции тюркской иконографии изваяний должны его держать. Такой способ демонстрации на изваянии сосуда – явление крайне редкое для всей Евразийской степи. Нам известно всего три таких случая. Все изваяния хранятся в Одесском археологическом музее и опубликованы в своде С.А.Плетневой под №№ 1173-1175. Но Г.А.Федоров-Давыдов решился выделить позднейший (“упрощенный”) III тип изваяний лишь на основе анализа одного экземпляра. Остальные 19 изваяний этого типа, известные исследователю на тот момент (но без изображения сосуда и других каких-либо рудиментов) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.168), были механически объединены им с изваянием из Краснодарского историко-краеведческого музея в одну группу. А между тем, даже беглого взгляда на эти изваяния достаточно, чтобы увидеть различия в абрисе, стиле, иконографии и других компонентах.

Изображение изваяния из Краснодарского музея есть не только в книге Г.А.Федорова-Давыдова (1966, рис.28, 2) (рис.6, 1), но и в своде “Половецкие каменные изваяния” (Плетнева С.А., 1974, табл.58, 1102) (рис.6, 2). Первый же взгляд на эти два рисунка одного и того же изваяния дал понимание их существенного различия в изображенных деталях. При сопоставлении рисунков главной проблемой является атрибуция предмета, изображенного на уровне живота. Амулет это или сосуд? Критический анализ изваяния показал, что необходимо доверять рисунку С.А.Плетневой, отличающемуся от рисунка Г.А.Федорова-Давыдова значительно более детальными прорисовками и изящным стилем исполнения.

Так или иначе, вся парадоксальность ситуации состоит в том, что в типохронологиях изваяний “упрощенного” типа (как в целом, так и отдельно одна от другой), предложенных указанными исследователями, практически не

остается изваяний, которые можно было бы отнести к ранним типам, предшествующим полуобъемной и объемной скульптуре. Мы считаем, что краснодарское изваяние не находится на завершающем этапе развития европейской тюркской средневековой скульптуры, а стоит между ранними стеловидными изваяниями и объемной скульптурой, что убедительно доказала Л.С.Гераськова (1991, с.99). Другое дело, что мы не совсем согласны с датировкой Л.С.Гераськовой, которая относит подобные стеловидно-округлые поясные изваяния к X-XI вв.

Вернемся к васьильевскому изваянию, которое относится к стеловидной группе изваяний. Дата васьильевского изваяния, как мы указывали выше, определяется двумя группами признаков – ранними и поздними. Стеловидность и низко размещенная относительно вершины монолита голова являются ранними, причем второй признак особенно архаичный, и его доживание до XII в. (время, определяемое относительно поздними признаками – головным убором, специфической моделировкой груди и наличием шейных гривен) уже само по себе представляет интересный для исследования феномен. Этот феномен можно определить как своеобразную компрессию, т.е. сжатый состав компонентов разного времени, их переплетенность (Клейн Л.С., 2010, с.227), произошедшую в силу внутренних и внешних обстоятельств функционирования культуры. Такое сочетание ранних и поздних признаков (с учетом модификации их значений) дает нам основание отнести изваяние ко времени не ранее XI в. и не позднее 1-й пол.XII в.

Можно предположить, что схожие по головному убору изваяния из Васильевки, Должанского, Уш-биика, Краснодара, Бердянска и Шипилово представляют собой если и не одну этнокультурную линию развития, то хотя бы некую эволюционную линию. Тогда изваяние из Васильевки занимает промежуточное место между изваяниями из Должанского и Уш-биика, с одной стороны, и изваяниями из Шипилово, Бердянска, Краснодара, с другой. Сказанное, в свою очередь, означает, что дату васьильевского изваяния можно сузить до рубежа XI-XII вв. и увязать с переходным периодом от стеловидных изваяний к округлым (полуобъемным). Это было время наиболее массового продвижения кыпчаков в Восточную Европу, а также вовлеченных в этот процесс других тюркских этносов. Но

это вовсе не значит, что мы склонны связывать васьильевское изваяние с кыпчаками (половцами). Вопрос пока ставится лишь о времени, когда сложилась такая иконография изваяния.

Учитывая многочисленность тюркских племен, пришедших в восточноевропейские степи, не стоит исключать и отдельную линию развития каменной пластики – стеловидной. Эта линия совсем не обязательно могла быть связана с каким-то одним этносом. Сложно сказать, у каких племен в докыпчакское или половецкое время мог произойти процесс трансформирования стеловидной скульптуры в округлую и далее в объемную, а у каких нет. Однако группа изваяний с головными уборами, близкими васьильевскому изваянию и не известными на поздней объемной скульптуре, дает основание считать, что эта линия (как, очевидно, и какие-то другие) оказалась тупиковой или завершающей, что не одно и то же. Причиной таких существенных различий в трансформации каменной пластики мог стать обрыв преемственности, выраженный в недостаточной повторяемости соответствующей традиции (передачи культурной информации) у мастеров вааяния, который мог произойти ввиду какого-то стремительного процесса, например, связанного с политическим покорением населения.

Важно отметить и то, что отдельные компоненты (техника и стиль) вааяния могли развиваться, а другие прекратить свое развитие. Очевидно, именно поэтому мы и наблюдаем на васьильевском изваянии одновременно не просто архаические

и поздние черты, а ощутимо отстоящие друг от друга во времени, причем эти черты могли быть и разноэтнического происхождения. Уже одного этого вполне допустимого предположения достаточно для того, чтобы присоединиться к Л.С.Гераськовой, которая считает, что не весь массив тюркской скульптуры принадлежал половецкому кругу племен (Гераськова Л.С., 1991, с.93). Возможно, традиция вааяния была распространена и у печенегов, торков, а также других тюркских этносов. Не потому ли у стеловидных европейских изваяний нет, как пишет Л.С.Гераськова, четко выраженных правил в построении формы (Гераськова Л.С., 1991, с.93). Ярким примером в этом плане является васьильевское изваяние. Но мы, в отличие от Г.А.Федорова-Давыдова, С.А.Плетневой, Л.С.Гераськовой, Л.Н.Ермоленко и других исследователей, целенаправленно предлагающих этническую привязку изучаемым ими изваяниям, считаем, что у нас пока слишком мало данных, чтобы отнести васьильевское изваяние, как и все другие стеловидные изваяния европейского массива, к определенным этносам. Зато вряд ли стоит сомневаться, что данное изваяние могло быть синхронным каким-то округлым или даже более поздним полуобъемным типам скульптуры (по Г.А.Федорову-Давыдову это типы I и II; по С.А.Плетневой – типы IIIa, IIIб, IV, Va, Vб; по Л.С.Гераськовой – массив С и В). Но прояснение вопроса о синкретичности архаичных и поздних признаков на стеловидных изваяниях логично ожидать после новых находок изваяний, схожих с васьильевским.

Литература и архивные материалы

- Гераськова Л.С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків Східної Європи. К.
Ермоленко Л.Н., 2004. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск.
Клейн Л.С., 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.
Красильников К.И., 1999. Древнее камнерезное искусство Луганщины. Луганск.
Михлин Б.Ю., Швецов М.Л., 1979. Отчет о дослідованні кургана I у с.Васильєвка Старобешевського району Донецької області в 1979 г.// Архив ИА НАНУ. Ф.е. 1979/15а.
Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Чариков А.А., 1987. К эволюции стеловидных статуй средневековья// Ранний железный век и средневековье Урало-Ишимского междуречья. Челябинск.

Summary

A.V.Yevglevsky, D.V.Pilipenko (Donetsk, Ukraine)

UNIQUE STELA-LIKE TURKIC STATUE FROM VASILIEVKA (NORTHERN AZOV SEA LITTORAL)

The statue was found in 1972 near Vasilievka village of Starobeshevo region of Donetsk province by the Azov group of Severskiy Donets expedition. Now this statue is kept at Donetsk National University.

The analysis of this statue permitted to date it back to the turn of the 11th-12th centuries and link it to the time of mass migration of the Kypchaks from Asia to Europe. Originality of the Vasilievka statue is in the fact that its head is not sculptured from the monolith but cut on its plane much lower than its top. This feature is very archaic, and the fact that it was preserved till the beginning of the 12th century is an interesting phenomenon, especially if we consider its combination with late signs (a characteristic form of the breast and the presence of two neck grivnas). This set of features can be logically tied with the transition from the stela-like statues to the voluminous ones.

Статья поступила в редакцию в декабре 2011 г